

С. В. КАЛАЧЕВА

Еще раз о датировке „Повести о Савве Грудцыне“

В IX томе „Трудов Отдела древнерусской литературы“ напечатана статья Н. А. Баклановой,¹ в которой поднимается вопрос о реальной основе одного из произведений древнерусской литературы „Повести о Савве Грудцыне“ и делается попытка дать новую датировку „Повести“, причем последняя задача особенно занимает внимание исследовательницы.

„Повесть о Савве Грудцыне“ выделяется среди повестей XVII—XVIII веков тем, что в нее включено описание действительно происшедших исторических событий, нередко речь идет об исторических лицах, имеются ссылки на реальные топографические пункты. Действие „Повести“ разворачивается во время Смоленской войны, т. е. в 30-е годы XVII века. Однако в описании этой войны встречаются некоторые неточности, что заставило М. О. Скрипиля в свое время предположить, что „Повесть“ написана была значительно позже, приблизительно в 60-е годы XVII века. Н. А. Бакланову не удовлетворили доводы М. О. Скрипиля, она нашла, что в „Повести“ отражен русский быт не конца XVII, а начала XVIII века и, следовательно, „Повесть“ была написана не в XVII, а в начале XVIII века. Однако, думается, что приведенные в статье доказательства свидетельствуют отнюдь не в пользу этой гипотезы.

В основе рассуждений Н. А. Баклановой лежит предположение, что „Повесть“ несомненно связана с известной купеческой семьей Грудцыных-Усовых. Предположение вполне приемлемое, поскольку совершенно точно названа эта фамилия (она употребляется в „Повести“ даже в тех же вариантах, какие встречаются в архивных записях), точно указано место происхождения этой купеческой семьи, приблизительно совпадает с действительностью и район торговых операций Грудцыных, так что такая постановка вопроса возражений не вызывает. Исследовательница тщательно прослеживает историю рода Грудцыных и предполагает, что прототипом Фомы Грудцына (отца Саввы) мог быть только последний и наиболее богатый представитель рода — Василий Иванович. Допустим, что почетное положение, которое занимал этот купец в русском обществе (он даже принимал в своем доме в Великом Устюге Петра I), действительно определило уважение, с которым автор говорит о Фоме Грудцыне. Может ли это быть доказательством того, что „Повесть“ написана в XVIII веке? Василий Иванович умер в 1704 году,

¹ Н. А. Бакланова. К вопросу о датировке „Повести о Савве Грудцыне“. Труды ОДРЛ, т. IX, 1953, стр. 443—459.

причем, по сообщению Н. А. Баклановой, оказалось, что он не выполнил многих поставок, забрав вперед деньги. „Вследствие этого велено было описать все его имущество, а сына Ивана выслать в Москву в Семеновскую приказную палату. Крупное торгово-промышленное предприятие Грудыных перестало существовать“.¹ Едва ли кто-нибудь стал бы восхищаться богатствами человека обанкротившегося; следовательно, если даже признать Василия Ивановича прототипом Фомы, то „Повесть“ могла быть написана только при его жизни, т. е. не позже 1704 года. Итак, уже первое доказательство Н. А. Баклановой ограничивает возможность написания „Повести“ в XVIII веке тремя первыми годами столетия.

Другой довод исследовательницы касается особенностей военного быта, изображенного в „Повести“. Армия, в солдаты которой записались Савва с бесом, была мало дисциплинированной и плохо организованной. Н. А. Бакланова сопоставляет это изображение с тем, что говорил Петр I о русской армии начала Северной войны. По мнению исследовательницы, совпадение этих характеристик доказывает, что в „Повести“ изображено русское войско начала XVIII века. Однако, хотя Петр I и говорил о совершенно конкретном моменте, он охарактеризовал не просто разложившуюся армию, а вообще тот тип войска, который предшествовал созданию постоянной регулярной армии. Его описание (так же как и сцены, изображенные в „Повести“) отражает состояние русской армии до Северной войны, следовательно, военные сцены „Повести“ могли соответствовать действительности в XVII веке, но не позже, потому что в Северную войну Петр начал реорганизацию русского войска. Можно точно указать год, с которого изображение военного быта в „Повести“ стало для русской действительности анахронизмом. В „Повести“ описан набор в солдаты „охочих людей“. Н. А. Бакланова, предполагает, что описан набор, происходящий в более „широких масштабах“, чем это было в Смоленскую войну, когда таким образом набрали 14 331 человека, т. е. „только“ половину армии Шеина. Исследовательница поэтому считает, что автор имел в виду какой-нибудь из петровских наборов. Это утверждение ничем не обосновано, но даже если его и принять, оно не доказывает, что „Повесть“ была написана в XVIII веке, потому что, как сообщает Бакланова, „Нарвская битва показала малую пригодность этого войска и повела к созданию настоящей регулярной армии путем постоянного обучения периодически поставлявшихся рекрутов“.² После Нарвской битвы подобные наборы, тем более в „широких масштабах“, не практиковались; следовательно, сцена набора „охочих людей“ — эпизод, который мог иметь реальную подоплеку только до Нарвской битвы, происходившей в 1701 году. Итак, второй довод Н. А. Баклановой доказывает, что „Повесть“ была написана не позже 1701 года, т. е. первого года XVIII века.

Еще один довод исследовательницы ставит еще одну границу датировки. Н. А. Бакланова обратила внимание на выражение повести: „тогда все новобранные солдаты розданы по стрелецким полкам в до-полнку“ (или „вдобавок“).³ В статье сделана попытка доказать, что в XVII веке солдатские и стрелецкие полки составляли два вида войска, которые между собой не смешивались, а в XVIII веке такое смешение, вероятно, было возможно. Однако едва ли автор стал бы говорить

¹ Н. А. Бакланова, ук. соч., стр. 448.

² Там же, стр. 455.

³ Там же, стр. 454.

о том, что солдат раздали в „дополнку“ стрелецким полкам, после того, как в 1698 году было расформировано стрелецкое войско. Н. А. Бакланова указывает, что и после 1698 года продолжали существовать городские стрельцы, но это еще не значит, что существовали стрелецкие полки и что солдаты дополняли стрелецкое войско. Вернее было бы предположить, что в XVIII веке стрельцы могли быть направлены „в дополнку“ солдатам. Эта справка лишней раз доказывает, что „Повесть“ была написана в XVII веке, не позже 1698 года.

Наконец, необходимо остановиться на следующем доводе Н. А. Баклановой: „Кроме того, стрихи, которыми она („Повесть“, — С. К.) рисует личность царя Михаила Федоровича, в действительности скорее можно отнести к Петру I. В самом деле, воинские успехи Саввы становятся известны самому царю; бес говорит Савве: «царь узнает твою службу и повысит тебя в чине». Эту и подобные ей фразы, подразумевающие доступность царя для солдат, трудно отнести к царям XVII века, окруженным строгим полуцерковным дворцовым ритуалом, и особенно к бледной, инертной фигуре Михаила Федоровича; такая фраза гораздо более уместна по отношению к Петру¹. В данном случае, думается, исследовательница переоценила способность писателя XVII века следовать исторической правде. Древнерусский писатель любого царя мог представить как царя-батюшку, независимо от того, каким этот царь был в действительности. В то же время автор „Повести о Савве Грудцыне“ ни в коем случае не мог положительному герою, каким является Михаил Федорович, приписать черты Петра I. Доказательством этого является содержание и идейная направленность „Повести“. Уже заглавие говорит об основной религиозной идее этого произведения: „Повесть зело предивна и истинна, яке бысть во дни сия; како человеколюбивый бог являет человеколюбие свое над народом христианским“ (разрядка моя, — С. К.).² Такую же тенденциозную окраску имеет и все повествование. Если, учитывая религиозный характер „Повести“, попробовать представить ее произведением начала XVIII века, т. е. приблизительно того времени, когда по приказу Петра церковные колокола переливались в пушки, то совершенно очевидно, что Петр скорее всего был бы изображен отрицательно. Однако отрицательные черты в образе царя не обнаруживаются, видеть же портрет Петра в положительном образе царя Михаила Федоровича невозможно, потому что автор „Повести о Савве Грудцыне“ по своему мировоззрению, выразившемуся в идейной направленности этого произведения, мог быть только врагом Петра I. Следовательно, этот довод Н. А. Баклановой не имеет реальных оснований и не может служить доказательством того, что „Повесть“ была написана в XVIII веке.

Вопрос о том, мог ли пользоваться автор XVII века такими терминами, как „экзерция“, „артикул“, „команда“, требует более углубленного исследования. Если эти термины не появились в результате переписки „Повести“ в XVIII веке, то, может быть, они уже встречались в русской речи XVII века, поскольку в русское войско входили наемные иноземные полки.

Не может служить веским доводом и тот факт, что „Повесть“ известна нам только в списках XVIII века. Утеря первоначального списка

¹ Н. А. Бакланова, ук. соч., стр. 455—456.

² Цит. по публикации М. О. Скрипиля (Савва Грудцын. Труды ОДРЛ, т. V, 1947, стр. 228). В дальнейшем все цитаты даются по указанной публикации.

XVII века не представляет чего-либо необыкновенного для древнерусской литературы.

Итак, все приведенные Н. А. Баклановой доводы не кажутся нам убедительными. Что же может подсказать дату написания „Повести“? Тут придется коснуться некоторых деталей, упущенных Н. А. Баклановой.

Главным персонажем „Повести“ является Савва Грудцын. Поскольку автор точно называет фамилию и место происхождения семьи Грудцыных, возникает предположение о том, что в основе „Повести“ лежит какое-то реальное происшествие, причем реальность происходящего автор подчеркивает в заглавии: „Повесть зело предивна и истинна, яже бысть во дни сия“ (разрядка моя, — С. К.). Поэтому, думается, разбирая историю семьи Грудцыных, необходимо попробовать установить, кто мог послужить прототипом образа Саввы, так как совершенно несомненно, что поводом к написанию „Повести“ послужило не особое уважение к богатству отца, а необыкновенная и, вероятно, драматическая судьба сына. Если предположить, что под видом Фомы изображен Василий Иванович, то прототипом Саввы мог быть один из его сыновей — Семен или Иван. Но, рассказывая об этих молодых людях, ровесниках Петра I (Семен, так же как и Петр, родился в 1672 году), живших в такую богатую событиями эпоху, автору не к чему было вспоминать Смоленскую войну. Он скорее повел бы своего героя под стены Азова или Нарвы или в строящийся Петербург. Кроме того, автор не мог бы обойти историю разорения рода Грудцыных; он же, наоборот, сообщает, что род Грудцыных продолжается: „... их же род и дондесь во граде том влечется“ (стр. 235).

Поэтому, думается, прототип Саввы надо искать среди тех представителей семьи, которые могли участвовать в Смоленской войне. По возрасту он должен был бы принадлежать к третьему поколению Грудцыных. В статье Н. А. Баклановой приведена родословная Грудцыных-Усовых, но имени Саввы в ней не встречается, так же как и имени Фомы, между тем автор стремился к точной передаче биографических данных при повествовании, иначе ему не к чему было бы говорить о Великом Устюге и называть героя Грудцыным-Усовым. Такая точность заставляет предположить, во-первых, что под именем Саввы выведено какое-то совершенно реальное лицо, во-вторых, что автор не считал нужным переименовать своего героя. В последнем случае не было бы смысла сообщать его подлинную фамилию. Чтобы объяснить отсутствие имени Саввы в родословной, можно сделать два предположения. Среди Грудцыных третьего поколения Н. А. Бакланова упоминает Силу и Степана. В 30-е годы они были приблизительно „призывного“ возраста. О их дальнейшей жизни в статье ничего не сказано. Отсюда напрашивается первое предположение, что один из них пережил душевную драму, послужившую впоследствии сюжетом для „Повести“, постригся в монахи и получил имя Саввы (монашеское имя обычно начиналось с той же буквы, что и мирское) и под этим монашеским именем был известен автору. Имя же его отца повествователь перепутал. Но это стройное логическое построение разбивается само собой, потому что имена купцов Силы и Степана (или Стефана) Грудцыных упоминаются в таможенных книгах Великого Устюга как в 40-е годы, так и в 50-е, следовательно, Сила и Степан благополучно торговали до самой своей смерти и нет никаких оснований предполагать, что они пережили приключения Саввы. Таким образом, первое предположение отпадает и остается второе.

Документальный материал не позволяет, повидимому, восстановить родословную Грудцыных в достаточной полноте, но если верить „Повести“ как документу, то на ее основании в сопоставлении с родословной, составленной Н. А. Баклановой, можно предположить, что у Тимофея Грудцы, кроме Якима и Юрия, был еще один сын — Фома, а также внук Савва. Этот сын переселился в Казань, но скоро разорился. Доводом в пользу такого объяснения служат слова беса из „Повести“, когда он впервые является Савве и говорит: „Аз убо вем тя давно, яко ты от рода Грудцыных-Усовых из града Казани, а о мне еще хощеши уведати, и аз того же рода от града Великого Устюга, зде давно обитаю ради конския покупки“ (стр. 239). Эти слова явно говорят о существовании казанской ветви рода, но воспоминаний о казанских Грудцыных Н. А. Баклановой обнаружить не удалось, может быть, потому, что, как указывает исследовательница в своей статье, архивных материалов о 20-х годах XVII века не сохранилось, а к 40-м годам казанская ветвь этой семьи уже прекратила свое существование, о чем ясно сказано в „Повести“. Савва был единственным сыном Фомы и, постригаясь в монахи (вероятно, в конце 30-х годов), роздал все свое имущество бедным. Таким образом, в 30-е годы XVII века история казанских Грудцыных оборвалась. Утверждать положительно, что это предположение соответствует действительности, невозможно, поскольку не обнаружено никаких данных, подтверждающих его, но как гипотезу его можно выдвинуть, тем более что никто из Грудцыных, приведенных в родословной, не мог послужить прототипом Саввы. Независимо от того, кто именно из Грудцыных послужил прототипом Саввы, важно отметить, что это должен был быть представитель третьего поколения семьи. Важно это вот почему.

Суммируя все, что известно о Савве Грудцыне, можно сказать, что Савва участвовал в Смоленской войне, потом стал монахом Чудова монастыря; в монастыре же он и умер. Описанием смерти Саввы заканчивается „Повесть“: „И восприят иноческий чин и нача ту жити в посте и молитвах, непрестанно моляся господеву о согрешении своем. В монастыре же оном поживе лета довольна, ко господу отъиде в вечный покой, иде же святии пребывают“ (разрядка моя, — С. К.) (стр. 262). Именно смерть Саввы, вероятно, и послужила поводом для написания „Повести“. Никаких общественных подвигов Савва не совершил, иначе об этом бы сообщалось в „Повести“; следовательно, память о его жизни не могла быть долговечна. „Повесть“ является, повидимому, своеобразным некрологом раскаявшемуся грешнику. К сожалению, известны очень немногие точные даты рождения или смерти Грудцыных, но кое-какие даты все же имеются. Представители третьего поколения Грудцыных — Степан и Сила Якимовичи и Алексей и Василий Юрьевичи — еще упоминаются в таможенных книгах Устюга Великого в 50-е годы XVII века, но в 70-е годы их имена в этих книгах уже не встречаются. Кроме того, из сведений, сообщаемых Н. А. Баклановой, известно, что в 1660 году было пожаловано Леденгское Усолье Василию Ивановичу, т. е., вероятно, к этому времени его отец, Иван Якимович, уже умер. Иван Якимович был самым младшим из известных нам Грудцыных третьего поколения, так что можно предположить, что к этому времени должен был умереть и тот из его родных или двоюродных братьев, который постригся в монахи. Таким образом, соображения, касающиеся прототипа Саввы, приводят к тому же выводу, что и рассуждения М. О. Скрипиля: „Повесть“ была написана в 60-е или в начале 70-х годов XVII века. Думается,

что подтверждением этого является и то, что в „Повести“ упомянуты некоторые фамилии, известные именно в 60-е годы, например сотник Шилов. Правда, Н. А. Бакланова доказала, что приказ Зимы Волкова (как расшифровывает М. О. Скрипиль название „Зимин приказ“) не мог находиться в приходе храма св. Николая в Грачах и что сотник Шилов упоминается в приказе Ознобишина, а не Зимы Волкова. Кстати сказать, Шилов числится в приказе Ознобишина, убитого, как сообщает исследовательница, в 1659 году. На его место мог стать Зима Волков и, таким образом, Шилов в 60-е годы XVII века мог быть сотником Зимина приказа, но в данном случае это не имеет существенного значения. Автор мог назвать имена известных стрельцов, не зная их точного служебного положения. Эти стрельцы не отличались какими-либо громкими подвигами, и имена их, так же как и имя Саввы, могли прийти на ум автору лишь пока они еще жили, а жили они именно в 60-е годы XVII века. Упоминание в „Повести“ этих имен дает лишнее основание отнести написание „Повести“ к указанному времени.

Так, думается, может быть разрешен вопрос о датировке. „Повесть о Савве Грудцыне“ по всем данным была написана в 60-е—70-е годы XVII века.
